

1

Архив Международного Мемориала

Коллекция мемуаров и литературных произведений

Ф.2, оп. 10, д. 51

Сокольникова (урожд. Вдовина) Мария Игнатьевна

[Воспоминания]: Интервью

Москва, октябрь 1989

Расшифровка магнитофонной записи, машинопись, 26 л.

Поступление 1989

Беседа с Сокольниковой (Василина до замужества) Марией Игнатьевной
Ловши НИ в 1930-36 гг. и о работе с Мураловым и Арефеем.

Сокольников Мария Игнатьевна

Беседа с Полещук
19-10-1989г.

Когда в сенацтатом году менялась власть и приходили то красные, то белые, отец поднимался и говорил: - Народный учитель. Отец умер рано, в 23-м году. В 1926 году я поступила в техникум из Кемерово, где я там жила вместе с братом, который был в начале 37-го года расстрелян. Он погиб во время пыток. Потому, что он был арестован 28 декабря 37-го года и 8-го января был расстрелян.

Я в 29-м году окончила техникум. Промышленно-экономический он у нас сначала был. Потом его почему-то переименовали в кооперативно-экономический и там было два факультета ~~экономический~~ и сельскохозяйственный. Я почему-то, не знаю даже почему, именно сельскохозяйственным больше интересовалась. И поэтому после окончания техникума я год проработала в льносоюзе. ~~создана~~ Участвовала в проведении коллективизации на Севере в Новокузнецком районе Московской области, вместе с секретарем райкома партии. Проводили собрания, в колхоз агитировали вступать, так что непосредственно знаю, что такое коллективизация, как она проводилась.

А потом после ликвидации в 30-м году, в начале может быть 31-го я поступила в трест Кузбасуголь. Сначала в управление технического снабжения, а потом, видимо когда образовался этот сельскохозяйственный отдел, я была переведена или мне предложили, перейти в этот сельскохозяйственный отдел.

Вначале там не было Николая Ивановича, но очень быстро, вот появился Муралов. Ну, Муралов, конечно, фамилия известная, о нем, была уже информация, что он прибыл в Сибирь в неофициальную ссылку ЦК. Я была в это время секретарем комсомольской организации Кузбасугля треста и я как раз как-то была у секретаря партийной организации треста. И он сказал, что вот ты работаешь с Мураловым что у нас имеется письмо. В то время Эйхе был секретарем западно-сибирского крайкома, тогда был край Западно-Сибирский и чтобы

Мураву были созданы условия для работы.

Несмотря на то, что у него ^{в прошлом оппозиционнее)} там были выступления и, что он был оппозиционер, тем не менее работать он должен. Мягкий человек, Николай Иванович, у нас у всех осталось он нем, конечно, очень светлое впечатление. Очень добрый. Я даже много раз приходила к нему и говорила — Николай Иванович зачем вы даете деньги. Кто бы у него не попросил, он обязательно дает деньги. А видно было, что он нуждался в деньгах. И заработная плата у него была маленькая. У нас же были очень низкие оклады.

Я готовилась поступить в институт. Строительный, Сибирский Новосибирский имени Куйбышева. Лето я готовилась. А первого сентября я выдержала экзамен и уволилась, ушла в институт. А так как я была политически, видимо, развита в то время, Сейчас я уже отсталая пенсионерка, а тогда я интересовалась всеми вопросами политическими и экономическими, тем более я по специальности экономист. Я на своем курсе, когда поступила в институт даже руководила кружком текущей политики. В моем кружке наши же, мои однокурсники охотно занимались. И конечно, как снег на голову, придя с бала со студенческого, как раз было 23-е февраля 36-го года меня ^{узнали в} КПЗ или ДПЗ, не имею представления за что и почему.

Обыск конечно, был сделан, но ничего у меня там не было изъято, потому что ^{(у меня) (одна)} была чертежная доска. И как раз сдала зимнюю сессию и начались ~~вопросы~~ допросы.

В чем же дело? Оказывается все эти процессы, как я теперь уже понимаю, они заранее фабриковались и заранее организовывались.

К нам вдруг, не помню это был 34-й год или начало 35-го в отделе кадров появился сотрудник наш. Говорят, что бывший троцкист. Этот Муравлев, его фамилия, я не помню как его имя отчество, часто очень приходил, все что-то такое беседовал, разговаривал и

иногда просил деньги у Муралова. Я еще Николай Ивановичу говорю — что это вы все с Журавлевым разговариваете, деньги ему даете? Это же вроде такой несимпатичный человек. Ну, может быть даже внешне как-то он не располагал к себе. Но тем не менее он, вот этот самый Журавлев, потом он, как я определила, это почему, как раз в 35-м году у нас демонстрировалась картина "Приезд Сталина на открытие метрополитена". И в этой речи очень много таких, а там он ^(Сталин) видимо был немножко под шафе, выпивал, пьяненький был наверное, понимаете. Очень громкая была речь, очень звук еще был такой, ^(как) железо гремело. Он там, выступая, говорит, что вот тех-то и тех-то наградили, а вы, обращается к рядовым, рабочим метрополитена, думаете: вот, наградили сволочи, а как же мол нас то. Вы наверное так, ^(думаете) — говорит, но ведь все надо делать индивидуально. У нас и то морды разные, и так рукой повел. Каганович сидит, Молотов. ^(показал на них рукой)

И придя на следующий день на работу, Журавлев меня спрашивает: ну как там, погравилось вам звуковая картина. Я говорю: — да что там погравилось, звук, я говорю очень громко, железо как будто брякает, а потом Сталин говорю заявляет какие-то выражения грубые — морда. ^(при аресте) Вот это было уже основанием, было написано, понимаете, что я и Сталина ненавижу, потому что он груб. Это было одним из обвинений мне, когда я уже попала. Как же? Вы вот так о Сталине отзываетесь. Вот это был самый первый криминал. Ну, потом, конечно, тюремные все эти истории, все эти дела. Вам, наверное, Ася говорила, как я залезла на тюремную форточку. Вот зачем мне это нужно? Как раз 13-го мая, чертова дюжина, мне было предложено выйти на правах секретного сотрудника, ^(НКВД) причем я видела уже заготовленный отпечатанный на машинке документ, что я выпускаюсь. Я говорю — но я не могу, по характеру своему, видите я какая, у меня язык вот какой. А следовательно говорит — вот, вы очень хорошо, вы значит умная,. Начинает значит мне комплименты туда сюда. Я говорю — а что я должна делать?

х) Антонина

Шелгунова — прим. Полещука Н.С.

Вот сейчас, - говорит, арестовали мужей, остались жены, поэтому надо среди жен немножечко проводить эту работу. Я говорю: - Да я не могу эту работу проводить, у меня же на лице написано, я же не смогу с ними говорить об одном, а думать другое. - Да нет, - говорит, - вы можете то, вы можете другое, начинает он. Я ему в ответ: Нет, я не могу.

Я прихожу в камеру, девчонка знаете, все же, мне двадцать с небольшим. Окно, понимаете, вот форточка, железная решетка и тут же май. Светит солнышко, хочется же выйти - свобода. Как будто бы она в твоих руках, а с другой стороны я не могу. И вот единственный человек, с которым я поделилась этой провокацией, Околокулак, фамилия такая, она говорит - Маруся, смотри, я тебе ничего не могу сказать.

И вот это время мы знали как раз, следили, перестукивались, мы знали когда выходит Николай Иванович Муралов на прогулку. И вот я залезла в эту форточку. Тася говорит, что нас было трое, нет трое мы не могли туда залезть, потому что это было сопряжено с большими трудностями, за нами следили, тем более когда выходил Николай Иванович в прогулочный двор. Но все-таки удалось. И когда, значит, я сказала - Николай Иванович, была организация, потому что я не имела представления, что такое за организация, почему все сидят. И я вижу перестукиваюсь, что никто ни в чем не виноват. Ну как же я могу идти, когда все ни в чем не виноваты, как и я сама. Я должна идти и продавать, как говорится свою душу черту. Ну вот. А Николай Иванович прошел, так знаете,, вынул часы из кармашка бокового, проходя мимо сказал: Дело Бейлиса. Все для меня было решено. Значит никакой организации нет, все это придумано. Николай Иванович тоже ни в чем не виноват. Ну, может быть у него были там какие-то ошибки, какие-то выступления, был несогласен по поводу

политики. Это уже совсем другой вопрос. Но для меня уже вопрос был ясен. И пришла, когда они меня вызвали ^(на очередной допрос) и отказалась. И сказала им — моя душа чиста. Вы понимаете, я ни в чем не виновата, вы же знаете, что я ни в чем не виновата. А мне следователь сказал — лес рубят — щепки летят. Вот эта фраза его мне запомнилась. А ему говорю — а мне ничего не страшно. И почему-то сказала — посылайте меня на Новосибирские острова, куда угодно, мне ничего не страшно. Зато душа моя будет спокойна И мне действительно ничего не было страшно. Я никого не предала, ни на кого не написала и ничего я не подписала. И когда мне было Верховным судом, выездная сессия была в Новосибирске, 13-го ^(в Москве) в Новосибирске, после уже, как закончился процесс, а Николай Иванович проходил по процессу Пятакова Радека, я поняла, что она была под председательством Ульриха. И Ульрих был и еще один, который судил ^(потом) и Тосю /Шелгунову/. Она немножко раньше прошла, видимо, на один день. Ее и из камеры почему-то раньше взяли. Я так, знаете, даже свободно как-то себя держала несмотря на то, что все было ужасно, трагически, один вакуум вокруг тебя. ^(на суде) Один около тебя охранник стоит, другой, вооруженные, на вытяжку стоят.

Ну, в обвинении было написано, что судить как врага народа без права вызова свидетелей и так далее, что обвиняемая Вдовина (я в то время), это моя девичья фамилия, виновной себя не признала, ^{но} достаточно изобличена показаниями Муравлева и Грушевского.

А потом я его ^(Муравлева) однажды встретила. Как встретила? Я молодая, ^(по камере) двадцатилетняя, двадцатилетний человек, я лазаю, чтобы что такое узнать, что-то услышать, какой-то кусочек жизни, что-то увидеть. Я следила за форточкой, я залезаю на какие-то трубы. И вот там еще эти "козырьки" не совсем были, нижняя часть была открыта.

И когда водили заключенных в ларьки, то тогда, значит, можно было видеть снизу. И я вижу, что идет этот Муравлев. И тут я начала его, конечно, проклипать, что он секретный сотрудник. А почему секретный сотрудник? Потому что когда меня арестовали и повели на допрос через какое-то время, вдруг я с ним столкнулась в КПЗ на Коммунистической, в коридоре. Он в нормальной одежде, при галстучке, в костюме а я иду, меня ведут из камеры. И я поняла, что конечно это секретный сотрудник, я уже понимала, что такое секретный сотрудник. ^(Секрет только мог так выглядеть)

Попав в КПЗ я еще не знала, что существуют секретные сотрудники. Видите, какая вербовка у них была, не совсем удачная.

Ну вот, ^(это) хорошо, ^(это) что я, когда судили меня, ^(на следствии) что я хоть не сказала что меня вербовали. Я уже промолчала, хотя я об этом спросила:

Катя /Околокулак/ ^(А), нас всех рассадили по одному, накануне ^(суда), а я ее спросила — что же нам ожидать? А она мне говорит — приготовься умереть. Вы представляете, что это такое? Молодому человеку сказать — приготовься умереть. И эту ночь я, конечно, не спала. Так хотелось жить. Я поняла, что действительно, что Николая Ивановича уже наверное расстреляли и нас тут тоже всех перестреляют. Такой произвол идет в стране. Что можно ожидать, когда тебя обвиняют. Бог знает в чем, что был Западно-Сибирский центр, что целая организация тут была, троцкистская, и что ты член этой организации, о которой не имеешь ни малейшего представления. И тебе преподносится черт знает какое обвинение.

Хотелось очень жить, и казалось, что закопай тебя в землю и оставь только одну голову — лишь бы жить. ^{и однако} Но тем не менее, вот мое дело было направлено на переследствие. Не спав всю ночь, я тем не менее завилала себе волосы, все сидела крутила панильотки. Цвет лица у меня был хороший и я была такая тоненькая, стройненькая. Вид у меня был такой, совершенно девичий. А вам скажу, ну молоденькая

очень. Мне уже было в это время двадцать три — двадцать четыре года. А я уже просидев в тюрьме, набравшись ума-разума, ^{все же} жила согласно со своей совестью, той честью, которая ^{существовала} может быть в семье учителя, такой, знаете, многосемейной; у нас же большая была семья, у нас было восемь человек детей, а я была восьмым ребенком, самой младшей. Сейчас никого не осталось. И вот этот восьмой номер попал таким образом, в такие переделки на суд.

Но Николая Ивановича вспоминаю очень хорошо. Вспоминаю, как самый светлый образ. Всегда будет, как-то особенно, знаете, со мной. Очень добрый человек. Такой человек, которого я никогда не видела и больше наверное, никогда не встречу. Какая-то особая доброта. Совершенно, я бы сказала, не современная. И какое-то, знаете, такое мышление, особое знаете. Даже можно во многих случаях, можно было бы его назвать — взрослым ребенком.

Ну, мы все там, конечно, в каком-то возрасте являемся наивными людьми, но иногда эта наивность ^{сохраняется} долго. Очень доверчивый человек, какой-то закалки, старого такого воспитания, образца, я бы сказала, невероятной честности, честности необыкновенной. И очень такой, знаете, отзывчивый.

Вот я помню, я рассказывала, что понадобилась мне книга, статья о кооперации. Ну, так как я секретарь комсомольской организации может быть я что-то там докладывала. Вообще-то о кооперации тогда стоял вопрос очень основательно. ^{сейчас} 32, 33, 34 годы кооперация, она развивалась. И сельскохозяйственная и потребительская. Мне он говорит /Муралов/ — А у меня она есть /речь идет о статье Ленина/ И вам принесу.

У нас техническая библиотека, а произведений Ленина и вообще политических, книг вообще политических вообще ничего не было.

Только техническая литература. И вот он, значит, мне принес эту статью.

— Том красный?

Да, книга красная, коричневатая. И прямо вот открываю — надпись рукой Ленина "Борцу и революционеру Николаю Ивановичу Муранову. Ульянов" Я не помню даже какой это был том. Я взяла его домой, но конечно на суде и на следствие, я не заикалась об этой книге. Если бы я еще сказала, что он мне книгу давал, мне бы уже вообще ^(присудили) я не знаю что, к расстрелу может быть. Может быть и еще что-нибудь такое. Потому что там придумывали и выдумывали.

— А вы помните кто у вас следователь был?

Фамилию помню только одного следователя — Лещинского. Но я скажу, что нам повезло. В каком смысле? Нас не били. А вот этот Лещинский, не знаю даже под каким соусом, ^{т.е.} (когда я рассказывала, придя с допроса, как он вел допрос, то мне мои однокамерницы говорили — да он влюбился в тебя.) Он угощал меня, знаете, обедами. Я приходила к нему голодная. Я с баланды, что же мы там имели, в тюрьме. Он меня угощал обедом. Ну, наверное, это было раза два или три.. А я это воспринимала, как еж. Я считала, что у него это метод. Следствие и он желает меня задобрить, чтобы я ему что-нибудь такое наговорила. И я почти не ела эти обеды, потому, что они мне и в рот не могли никак лезть.

Идешь уже на допрос и думаешь, сейчас тебе еще что-нибудь такое предъявят или что-нибудь... тебе может быть будут и пытку...

— Допускали это?

Допускала. Понимаете, поэтому я очень настороженно относилась к этим обедам. Бить не били, но вот ~~когда~~ меня посадили в одиночку, после того как я лазила на эту форточку — в другую камеру. Потом из этой камеры меня перевели в вторую.

— Так вас именно за этот случай? Заметили?

Заметили. Я считаю, что из-за этого. Перестукивалась... А Николай Иванович, когда я потом была с другими сокамерницами, которые сидели рядом с ним, ^{рассказывали, что} (так же перестукивался). Это известно из ^{встреч с другими сокамерницами:}

— Ты сидишь по делу Муралова? Да. А мы сидели рядом с ним. Ну и как он? Ну, знаешь, мы перестукивались и каждый раз когда к нам приходила новенькая, мы говорили — Николай Иванович, у нас новенькая. И первый вопрос, который он задавал — а у нее есть дети?

Тут у меня уже начинаются такие вещи. ~~Когда~~ ^{в одиночку} Меня посадили ~~одну~~ и стали выходить мыши на середину камеры и подышали почему-то ^(возможно) ~~то~~ ли их травили. Я не боязливый человек, но это было очень неприятно. Я требовала, чтобы меня или в общую камеру, ^(перевели) или чтоб вызвали и чтоб дали мне свидание. И все время писала. Я уже сижу там год или какое-то там время. Время, скажем, десять месяцев! Сколько же можно? Издеваются! Вызывайте меня, и все такое. Но на меня не обращали внимания. Тогда я объявила голодовку. Я голодала и ко мне приехал начальник судебно-политического отдела, по моему он так назывался, Попов. Вот эту фамилию я помню. И видя, что я уже лежу, слабая, он говорит мне: — Девочка, что вы делаете? В жизни вам еще предстоит не один год прожить. Вы сейчас подорвете себе здоровье, — так знаете как-то по отцовски ко мне. Подошел, полный такой мужчина с хорошим цветом лица. И говорю — вот видите, мне не дают ни свидания, ни чего.

После этого меня перевели в общую камеру. А когда я с нашими ^А соединилась, с Катей, видимо нас перебрасывали все время в Томск. Видимо, они ^(решили) считали с нами больше не разговаривать и мы вот с ^(Август) Зиной, например, просидели в Томске.

Потом, после суда, когда назначили мое дело на переследствие, никто меня не вызвал ни одного раза. Никаких записей, никакого

никакого следствия не вели. Отправили меня опять в Томскую тюрьму. И в Томской тюрьме я опять сидела там в следственной камере и наблюдала. Что я наблюдала? Уже жены пошли арестованных, и эти жены ^(должные признания) подписывали, члены партии, хорошие развитые, культурные женщины, преподавательницы университета Томского, они подписывали. Почему подписывали? Потому что, так нужно для партии. Вот так их убеждали. Так нужно для партии, подпиши. И они подписывали, а придя в камеру они вот начинали сомневаться, нужно ли это. И я тут уже их просвещала. Я говорила — не нужно ^(это) для партии. Вот так и так-то, я так-то поступила. Я сама не пошла, а вы зачем? И они, знаете что, рвали волосы на себе. Любя своего мужа, состоя в партии, преданные идеям партии, если это нужно для партии, она писала всякую ересь на своего мужа. Больше я их не встречала.

Меня потом уже перевели в другую камеру. Единственно кого я встречала из ссылки, мне ^{кажется} казалось, что это ^(была) жена Булганина. У нее была девочка, очень похожая на него, маленькая, десятимесячная. По ее одежде, по тому какой был ребенок, ^(это можно было предположить) она боялась, она была красавица. Ее фамилия была Черняховская. Я с ней была в течение месяца. Потом ее забрали в этап. Это было лето и она ушла с ребенком на руках. ^(она шла) Пыль поднялась, где-то в конце этапа, я ее проводила и еще вышла на коридор, потому что выпросилась мить пол в коридоре. И стояла у окна в коридоре, а она уходила. И мне казалось, что она была именно женой Булганина. И что этот ребенок был их, такое создалось впечатление. А фамилию ^(отца ребенка) она ~~и имя~~ не открыла. Но красавица, ^(необыкновенная) вы знаете, такая красивая, я больше таких красивых женщин не видел. Худая, конечно, худощавая, мы еще с ней в баню ходили вместе, сложена прекрасно.

Вы знаете, человеку который сложен идеально, в смысле красоты ну прямо природа ее изваяла. А кончила она, она мне говорила институт народного хозяйства. И будучи студенткой или после окончания ^(бывала) института, она встречалась в каких-то компаниях, видимо троцкист-

ских каких-то. Была в какой-то компании, Беременную ее потом выслали в Нарымскую ссылку. Она была в ссылке, ^(еще дальше) а потом ее уже забрали и уж куда ее потом, ну я не знаю.

— А ребенок как же?

И ребенок этот, десятимесячный, я думаю, что вот этот ребенок, вот эта Шилова Анна, я думала, что вот может быть, мне казалось, что это она. И потом запрашивала адресный стол и никто мне ни о чем не мог сказать. И потом еще запросила институт Народного хозяйства, Плехановский, мне отвечали, что Черняховская там, 1904 года рождения, что ли, действительно окончила в таком-то году, а больше я ничего не могла о ней узнать.

А в лагере было конечно очень много интересных людей.

— Сколько еще после приговора вы пробыли в тюрьме?

Я почти два года отсидела на следственном режиме, причем, знаете, под конец я ужасно изголодалась. И причем я думала только о хлебе. Я только думала, я буду есть до сыта хлеб. И со мной сидела еще колхозница. Она была председателем колхоза. Вообще не очень грамотная женщина. И когда нам давали пайку этого хлеба, то я его сразу съедала, потому что я уже не могла его оставлять, настолько была голодна. Так эта Денисовна всегда мне под подушку оставляла какой-нибудь кусочек, и все меня всегда убеждала — ты же сама оставила, ты же сама... Дали ей десять лет потом за то, что она кричала что-то там против советской власти или против Сталина или против правительства. И вот ее забрали, контрреволюционная агитация."

А я из этой следственной камеры Томска выползла буквально, настоялько я от голода обессилила. Ни родных, ни передач, ни денег, у меня конечно не было. В общую камеру. Камера очень большая в Томской тюрьме. А тюрьма, знаете, Екатерининская, с такими толстыми стенами, засовами. Камера наверное, человек на двадцать

Уголовники ходили на кухню, чистили там картошку и они меня подкармливали.

И вот мне уже наверное 27-го декабря объявили решение Особого совещания от 27-го октября. Видимо два месяца это решение шло до меня. Видимо его направили в Новосибирск, а там стали разыскивать где я, а потом узнали, что я в Томске. Вот это, видимо, пока все шло от октября прошло два месяца. Объявили, что у меня пять лет СОЗ. При чем я думаю — социально опасный элемент? Почему опасный? (ссылающийся) Чем опасный? Все было неясно в этой формулировке. Мне говорят — "О, счастливая!" Тебе вот с зачетом этих двух лет. И когда я шла зимой, в конце декабря, это наверное было уже начало января 38 года. Я, когда меня везли в вагоне, взяла какой-то такой маленький уголочек и карандашом написала — добрый человек, сходи туда-то. Я бросила, а стрелочник поднял. И пришел к моей матери и сообщил. (близким) Ну, и мне была тогда передача. Но передача стоила им очень дорого. Очень дорого. Страшно было все переполнено (в тюрьмах).

Попала на пересылку в Новосибирск. А там даже негде было встать, не то, что лечь. И были сплошные клопы. То есть клопы, вы знаете, обсыпные. Клопов собираешь с себя и негде даже лечь. Где-то приткнешься под нарами.

А мама, чтобы сделать мне эту передачу ночами простаивала. Было очень холодно. И тем не менее мне все же была передана подушка, потому что я написала, что осуждена на пять лет, ссылаюсь куда-то в Ухтопечерский лагерь, о котором я конечно не имела представления. И этапом через тюрьмы, первая тюрьма была после Новосибирска, Кировская была тюрьма, Вятская. Потом Свердловская, вместе с уголовниками, такими, сякими, а потом Котлас — пересыльный пункт.

Прозимовав год в Котласе, нас погрузили на баржу и отправили в Ухт-Печъяг. Попав в пересыльный пункт Усть

Когда нас выгрузили, мы тут еще походили, поработали немножко под конвоем — копали какую-то землю, котлованы копали. С собаками — шаг влево, шаг вправо, то да се. Это было лето уже 38-го года.

Началось строительство железной дороги. Ее начали ^{одновременно} с юга, и с севера, и посередине были строители. И где-то возле или где-то возле Ухты, был как-раз Лев Разгон. И была жена Калинина. А я попала на южный участок, потому, что я была СОЭ. Оказывается СОЭ было более легкой ^(формой наказания). Достаточно, например, сказать, что я попал на пересылку и такая шустрая, энергичная, молодая и, видимо, потому что я была СОЭ, ^(когда) я была назначена старостой этой палатки. И вот зиму ~~ша~~ я зимовала, у меня было двести человек. Уголовников, правда, было мало. Мы жили в палатке, причем мы жили во всей одежде и днем и ночью. Шапку одевали и голова у нас с Варварой Енукидзе примораживалась к стенкам палатки. А вагонка простая — вагончик, выведена труба. И там мы кипятили чай. И если одна встанет, то обязательно это место нужно другой. И вот она ее толкает чем-нибудь. Сразу начинается драка, и сразу скандал. И вот мне нужно было наводить порядок и дисциплину в этой палатке. И тем не менее все-таки мы прожили, прозимовали, а весной нас погрузили на баржу и повезли ^{дальше}.

Сначала на общих работах, строили железнодорожное полотно, а потом по специальности. Поскольку у меня было записано, что я экономист, закончила техникум ^(это учитывалось). Вообще во все времена в специалистах была большая нужда. Ну, а потом уже я нормировщиком работала.

— Все там?

Все там же. На одном месте я была. Но это вот ~~Прошло~~ три года и все время на одном месте.

А когда я освободилась, то мне было записано 38-я статья. И ^(по моему мнению) туда нельзя ехать, и здесь нельзя жить. И я решила там остаться. Ко мне хорошо отн. осились, а вольнонаемные тоже были освобожденные. И я такого же лагерника и мужа себе выбрала. Хорошо, что попался очень хороший, честный.

— А я думал, что вы уже в Новосибирске были замужем.

Я в Новосибирске была замужем. У меня уже ребенок оставался. ^(второй семье) Но ко времени когда мне освободиться, мой муж уже имел ребенка. Он уже платил алименты и так далее. Он был намного меня старше. Он человек очень безнравственный. Девочка и сейчас жива. Ну она уже не девочка, а бабушка. А я уже пробабушка. И она, знаете, окончила авиационный институт. Я ей помогала, учила ее. Конечно деньги ей давала. Работает ^(сейчас) в Академгородке Новосибирска. У нее единственная дочь Леночка. Она окончила Университет там же по биохимии.

— И так вы до этих реабилитаций там и прожили?

Нет. Потом это строительство закончилось. Нас перевели на Юг. Муж у меня болел. Часть сотрудников переехало на 108-ю стройку. И мы поехали на южную стройку. Уже началась война. И там были военнопленные, и немцы и чехи, и одновременно и лагерь был с заключенными. И мы строили железнодорожную линию — Анабашир. Небольшая протяженность этой дороги. Она в скальных грунтах. Я была в Управлении. То я была непосредственно на строительном участке, а здесь уже в Управлении. И муж тоже. Он был в проектно-отделе. Он закончил Свердловский политехнический институт. Немножко его не закончил, надо сказать, у него не было диплома, потому что он был арестован перед самой защитой.

— А ему что присобачили?

А ему 58-10 за то, что он сказал, что Беломорканал построен на костях. И вот где-то на студенческой вечеринке он сказал — так-то и так-то.

(оказался)

А тут же у ~~них был~~ секретный сотрудник, из студентов оказывается. А потом уже у него с этим студентом была очная ставка. И даже с его женой. И она говорила — Да, Сережа, ведь ты говорил. И плакала. И в результате дали ему три года.

Ну, между прочим, в 57-м году мне прислали эту реабилитацию, посмотрите. Здесь даже не сказано какой срок я отсидела. ~~Мин~~ "Министерство юстиции и Новосибирский областной суд. 13 июля 57-го года. № 454 С, 57. Город Новосибирск ул. Каменская дом 1, телефон 31614. СПРАВКА Дело по обвинению ВДОВИНОЙ Марии Игнатьевны 1911 года рождения осужденной Особым совещанием при НКВД СССР 27 ~~от~~ 1937 года рассмотрено Президиумом Новосибирского областного суда 6 июля 1957 года Постановлением Президиума областного суда от 6 июля 1957 года по отношению Вдовиной М.И. отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления. Справка выдана в связи с реабилитацией Вдовиной для предъявления в советские органы. Председатель суда Моряшин". Там уже начали в партию поступать, а я не могу в партию вступать. Видимо я воспитывалась в интеллигентной семье и это невозможно. (после пережитого) ВАШЕ обвинение было связано с делом Муралева?

— Вам призывали дело к Николаю Ивановичу?

Да, что я была членом организации, Западно-сибирский центр под руководством Николая Ивановича Муранова, известного оппозиционера и троцкиста. И я там уже советскую власть должна была свергать. *следователи в вашей организации?*

— А сколько человек, говорили? Какая структура?

Нет, нет. Никаких структур. Вот так все было написано. И всех нас рассадил по одному.

— А очных ставок не делали?

Очных ставок у меня не было, достаточно изобличена показаниями.

И я, когда выступала перед судом, я сказала, что я ни о какой организации не имею никакого представления. Ну, скажем Катя, /Околоулак/^{x)} -- есть какая-то прицепка. Но у меня нет никакой прицепки. Я даже по возрасту не могла участвовать в троцкистской организации. Какая может быть контрреволюционная работа, если я все время в комсомольской организации? ^(относится) Той же наверное и к Шелгуновой Тосе. Если бы она была только по делу Муралова, она не получила бы изолятора. ^{x x)} Значит что-то у нее с Муратом было, видимо, связано. Она, видимо, не хочет это рассказывать.

Муралов это известное лицо. И то с Мураловым работала, а она ходила к нему в гости, ей было интересно. Она еще такой человек, видимо, любознательный. И ей хотелось каких-то новых впечатлений, что-то еще узнать. Его имя было покрыто какой-то романтикой.. Для нас-то, молодых, романтика.

Я тоже к нему подходила: Николай Иванович, вы же вот выступали ⁴ (с оппозиционной речью на X съезде ВКП(б)). ^(в оппозиции)

— У вас нет такого впечатления, что он был теоретиком?

Нет, нет, у меня такой вывод, я потом уже это поняла, что он пошел за Троцким и я бы пошла за ним на его месте, потому что это был образованный и интеллигентный человек, с очень большим багажом эрудированный, конечно, ну теперь уже достаточно читаешь о Троцком.

А Николай Иванович, солдат, настоящий, с выправкой, солдат. Огромнейшего роста человек, с большими руками. Корпус у него такой, знаете, редкие такие шаги у него. Просто очень одетый. Всегда он в сапогах. Всегда он в гимнастерке. Новое у него конечно было, одевался он на праздники, в день советской армии надевал орден Красного знамени. Мы его всегда поздравляли.

— Мария Игнатьевна, что представляла из себя ваша работа в Новосибирске?

x) Екатерина Околоулак по словам М.И. Сокольниковой
была сознательной троцкисткой — полещук Н.С.
xx) Муж А. Шелгуновой.

Я вам сейчас расскажу. У нас был отдел. Отдел ~~этот-эотейл~~
 В одной комнате мы сидели, я, зоотехник Грушевский и агроном Чурствин. За загородочкой так, отдельный кабинетик, вроде как от коридора был отгорожен, ^(с ним) сидел Николай Иванович. Направо была бухгалтерия, большая комната. Вот там сидела Околокулак. Вот почему я помню, что 1 декабря 34-го года, когда был убит Киров, ~~то~~ у нас был митинг. Может быть это было 1 или 2-го, но мне кажется, что это было 1-го декабря, потому что весть о том, что был убит Киров, была сразу разнесена. Видимо так был обрадован Сталин, что убит Киров, я так понимаю, что это им было все подготовлено и сделано, так по документам, которые читаешь Он, Муралов был очень скорбен и мы стояли вместе я и Николай Иванович. Были сообщения, что вот они такие, сякие. Было это буквально во время перерыва обеденного. "Что-то будет?" — сказал Николай Иванович.

— А всего сколько человек было в этой комнате?

Три человека. Я, зоотехник и агроном. Зоотехник-то был репрессирован, вот этот Грушевский. А Чурствин^я не знаю. Его знает Тося, она с ним училась.

— Она хорошо о Грушевском отзывалась.

Он потом был секретарем комсомольской организации и мы там друг друга подменяли.

— Мама помнит, что там была табличка — Меркулов. Это кто был?

Меркулов? Он наверное был начальником УРСа. А мы же были отдел в УРСе. А УРС это управление рабочего снабжения. Структура треста была такова, ^{он} что ~~она~~ состояла из Управлений — материально технического снабжения, управления кадров, планово~~го~~ управления, управления новых шахт и управления рабочего снабжения, в котором мы были.

х) Полещук ГН, дочь НН Муралова — Колесуля НС

Отдел был на втором этаже. Я отчетливо помню где мы все располагались. И в этом же отделе был сельскохозяйственный отдел. Я занималась чистой статистикой, ну может быть что-нибудь я писала, где что посеяно, были свои приусадебные хозяйства, был скот, который выращивали и все это шло в столовую для рабочего снабжения.

Николай Иванович бывал в командировках. Может быть даже он бывал на шахтах, в подсобных хозяйствах, но я все это не запомнила, помню только, что он уезжал во время отпусков. Он уезжал в Москву и по моему всегда это было как-то осенью или даже зимой, потому что подсобные хозяйства требовали наблюдения.

Я была очень мало нагружена работой. Оклад у меня был тоже маленький. И я даже на работе сидела и готовилась к экзаменам, и никто, даже Николай Иванович, никто проходя не делал мне замечания. Потому что думали — ну, молодой человек, пусть учится. Вот так я пользовалась добрым сердцем (окружающих)

— Вы говорили, что и день ~~был~~ рабочий не такой длинный, как теперь?

Да, день был короткий. Мы работали что-то до трех часов. У нас были номерки. Мы должны были вешать свой номерок, что ты действительно на работе. И не помню, чтобы вокруг Николая Ивановича находилась какая-то особая категория людей, таких как ~~ссылных, приезжавших~~ приезжавших ^{приезжавших ссыльных}. Он был, конечно, не политик, видимо раскаявшийся, что он сделал столько то шагов в сторону Троцкого. Производил он впечатление человека, я была сказала, трагического. Он, видимо, любил свою семью. И вот это наказание... Можно понять, молодая жена, двое детей, но он был очень здоровый человек, не бюллетенил, никогда насморка даже не было.

— А дома вы бывали у Николая Ивановича?

Дома я не бывала у него, ни разу не была у него. Я знаю, что он жил недалеко, на улице Советской. Я даже как-то его провожала. Мы вместе с ним шли, потому что я сама тут жила около него.

— А что это за дом был, где он жил?

Обыкновенный дом. Тогда у нас еще не было большого строительства. Какой-то домик такой, деревянный. Я даже как следует его и не помню. Вообще там большое деревянное строительство. Сибирь ведь богата лесами. Кирпичных домов тогда мало было. Помню приходила Анна Семеновна /жена Муралова/. Николай Иванович знакомил нас с ней. Она как-то даже заходила к нам в комнату. Володю хорошо помню. Галя маленькая, она все время была около мамы. И вот я вспомнила, как мы вместе с ним были на ипподроме. Он же очень любил бега, лошадиный. И целый день мы пробыли на этом ипподроме. Была семья, и Володя, и Галя.

— А что за бега были?

Лошади бежали, ставки были, тотализатор был. Было лето, 34-й или 35-й год. Лето было очень жаркое.

— Вы говорили, что даже после работы возвращались на службу и там беседовали. (сотрудники заходили)
(посторонние тем.) (например) (о своей жизни)

Да, беседовали. Николай Иванович рассказывал. Он рассказывал отдельные эпизоды, как он воевал. (например) (в в.р. гражд. войны.) Но я не очень понимала и не очень интересовалась, не очень его слушала. Отдельные эпизоды были очень интересные, потому что он как-то загорался, говорил об этом с чувством, с интересом, а я слушатель была не очень, потому что я в этих делах, хотя мы и проходили военное дело, понимала не очень много.

Кого я встречала? Я видела уже арестованных, в прогулочном дворе, поскольку я уже следила, интересовалась. Видела Дробниса и Норкина, и Богуславского. Богуславский, по моему, чудно пел. У него был прекрасный тенор. Где его камера мы не знали, но голос его мы слышали. И очень хорошо пела эта Катя Околокулак. У нее голос, может быть вы слышали, как у Обуховой. Иногда она тоже пела и заключенные которые там сидели, в КПЗ, с удовольствием ее слушали.

х) приходили по процессу Пятакова - Радека вместе с Мураловым - Боленчук М.

Не запрещали?

Запрещали, конечно, запрещали. Но все таки пели. Обвиняемые, вместе с Николаем Ивановичем, все были из ссылки. Они из ссылки были взяты.

- А Дробниса помните? Вы его хоть раз видели?

Дробниса я не видела до этого.

- И так же Богуславского, не знали раньше?

Нет. Они ходили вместе. Они, видимо, сидели вместе. А потом их тоже увезли в Москву. (Богуславский и Дробнис)

Я верила, что когда были процессы раньше, когда был, например процесс Промпартии. ^(про стип имели основание) Со мной вместе на квартире был инженер Кузьмин из Донецка или из Горловки. Он там был главным инженером. Был он выслан к нам сюда, в Сибирь. И мы с ним играли ^(в шахматы?) И он меня всегда обыгрывал. И я всегда, конечно, страшно возмущалась. А звали его Леонард Бернардович, и я называла его "вредитель". В Сибирь всегда ссылали, и в царские, и в сталинские. ^(времена)

- А что город из себя представлял?

Вначале, как я помню, Новосибирск являлся поселком Новониколаевским. И была станция Обь. А я родилась в 30 километрах от Новосибирска в очень живописном месте: заливные луга.. Раньше там был город купеческий Колывань. А потом село. И сейчас это село. И так как там проходил тракт и, в основном шел на хороших травах скот, жирный хороший скот. И было много скотопромышленников. И там было много церквей. Собор был. Достаточно сказать, что населения там было в пределах десяти тысяч.

Папу перевели на станцию Тайга. Папа был назначен директором начального училища. Кроме того отец преподавал теорию русской словесности. В 20-х годах там было восстание. Сибиряки не приняли советскую власть. Там много было восстаний. Когда умер отец я уехала к своему брату в Кемерово, который работал на руднике.

х) М.И.С. имеет в виду, что К. был участником процесса Промпартии - Колесников Н.

Завод был на концессии государственной и американской, называлось УИК — американская индустриальная колония. И я помню этих американцев, как они были одеты. В основном они были какие-то рикшеватые, веснушчатые преимущественно. Все у них было организовано. Построены деревянные дома двухэтажные. Имелась такая вроде гостиница и вроде ресторан. А мы все бегали туда смотрели, как играла музыка и как они жили.

А через реку, здесь на другом берегу Томи — химкомбинат. А на другой стороне рудник и там была подвесная дорога и вагонетки все время двигались и перевозили уголь. Здесь его коксовали в коксовых печах. Все это было примитивно. Огонь и газ поднимались наверх.

— Это Новосибирск или Кемерово?

Кемерово. А из Кемерово мне была выписана путевка Окружкома комсомольская и я поехала сдавать экзамены. Поступила я в техникум жила в общежитии и получала стипендию двадцать рублей. Уже был НЭП НЭПом я восхищаюсь и сейчас. Все было переполнено хорошими товарами Сталин подрубил этот НЭП. Мне кажется, что если бы и Троцкий пришел к власти и кто-то другой, все-таки бы не было таких ужасов.

— Значит Новосибирск на ваших глазах возрос?

Да. Это сначала был поселок Новониколаевский, а потом, по моему в 24-м году его переименовали в Новосибирск. И вот Новониколаевск стал развиваться, а Томск, который оказался за пределами железной дороги, он стал уже чахнуть, потом туда была проложена ветка, но как тупик. А Новосибирск стал развиваться.

— Но все-таки при вас он был небольшой?

Небольшой. Единственное здание там было городского совета. Остальные маленькие.

— А там был какой-то специфический колорит?

Это была провинция, самая настоящая. Прекрасные охотничьи места, рыбные места. Охотники и рыболовы до сих пор там находятся. Николай Иванович там охотился. Не видела я у него никакой дружбы, может он и не хотел никакой дружбы заводить. Он очень осторожен был в этом отношении. Но какие-то знакомства и связи у него были, потому, что приходил народ. Так что никакой он не политик, никакой организации он там не заводил и не мог он там их заводить, потому что у него были другие интересы. Он видимо хотел добиться возврата в Москву к семье. А семья не могла переехать к нему.

— А Володя жил там один год или два?

Володя жил там, но учеба шла хуже почему-то. Он стал хуже учиться. Я помню говорил Николай Иванович. Он считал, что педагоги не дают того, что есть в Москве. Терять Москву нельзя. Там родные, и сестры, и братья, и племянники. А здесь он выслан — ссыльный. Но я не знала, что он ^{рассказывался} расстреливался. Я может и знала тогда, что он написал такое письмо, но не помню.

— А вы говорили, что он про Колонтай рассказывал.

— Да, рассказывал. Вот там ^{«рабочая»} оппозиция, начинаем говорить, и выступала оппозиция, профессора, мы читали.

— Да, конечно, — отвечал он, — она выступала, вся в шелках, трещала, говорит.

— Он по моему не был в рабочей оппозиции?

Нет. Он не был. Я еще его спросила: а вы там выступали, Николай Иванович? Он говорит — нет не выступал., я говорит даже против был. Совершенно была ни к чему. И Колонтай, ну как она могла выступать от имени рабочей оппозиции, вся в шелках, разодетая. Оппозиционер он был, конечно, случайный. ^{x)}

— А насчет оппозиции, в которой участвовал Николай Иванович, вы с ним разговаривали?

x) речь идет не о троцк. оппозиции, участ. кот. был Мурахов, а о «рабочей оппозиции», от имени которой выступал Колонтай — Полесуцкий Н. С.

Да, говорила с ним. Я поняла, что он расклевшийся оппозиционер и что он не политик, это я сразу поняла, что за эту политику он тут попал случайно.^{x)} Приводила даже ему эти опубликованные материалы. Вот, Николай Иванович. Вот вы тут выступали на XV съезде. Он отвечал — Ну, это все были подставные лица.

Погиб он, конечно, совершенно зря. Он бы принес еще большую пользу, особенно на сельскохозяйственном поприще.^(чтобы был) Будучи управляющим где-то там имения,^(до революции) это нужно знаете,^(иметь) тоже много опыта и организационные способности,^(как их имел Николай Иванович).

— У него было образцовое хозяйство. К нему на практику привозили студентов Тимирязеской академии.

Да, он говорил об этом. Да, он говорил, вот эти рассказы я помню. И пьянства там не было, и дисциплина была.

— Мария Игнатьевна когда пошла реабилитации, вы подали заявление?

Вы знаете, в 47-м году мы были на строительстве южной линии, откуда возили руду на заводы в Тбилиси. И там я работала уже в Управлении. Начальником Управления был капитан МВД. У нас был довольно большой отдел, человек десять. Я работала хорошо и грамотно всегда. Тогда уже кончилась война и в 47-м году начались реабилитации, не реабилитации, а снятие судимостей. Подала организация, в которой я работала заявление о снятии моей судимости.

В 47-м году начинаются награды, а меня вызывает милиция. Готовится материал для награды за труд в Великой Отечественной войне. А меня вызывают в милицию и объявляют, что мне отказ. А у меня на руках маленький ребенок. А я думаю — откажут и тут же ссылка в другие места, более отдаленные. И муж лежит в больнице. У него язва.

Мне звонят, что необходима резекция желудка. Я отвечаю — ни в коем случае. Необходим уход, тебя нужно^(будет) кормить^(его) после резекции желудка, а у меня ничего нет.

x) Это мнение Ми Соловьевой говорит о ее понимании событий и знании Мухомова, как сотрудника по работе-П.

Я получаю какие-то четыреста грамм масла на грудного ребенка. Беднота, вы не можете себе представить. Бедность невозможная, впроголодь жили. Я была невозможно как расстроена.

Тут начались награды, вручение медалей. И несмотря на то, что я работала, мне отказано и акцент такой, что я по делу Муралова. Муралов такой-сякой, он оппозиционер, а она вместе с ним и так далее, так что я тут уже и не пишу.

Я правда пришла и сказала: как же так? Но мотив отказа был придуман не прямой. Таким образом я хожу все бывшая и бывшая... После этого заканчивается строительство и нас переводят

лаг. И мы приезжаем в Управление, а там нас снова назначают на южный участок. Проработав там с 48-го по 51-й год открывается новое строительство. На Севере, за Мурманском, на границе с Норвегией. И нас туда направляют. Составляют списки и мы едем на самый тяжелый участок в Чеченгу — железнодорожная линия называлась Колопеченганикель. Нам выдают заграничные паспорта, ну не паспорта, а какие-то документы, что мы можем жить на границе, несмотря на то, что у нас судимость. У мужа уже снята, а у меня еще нет. И там мы строим эту дорогу. А после окончания нас отправляют на другое строительство — в Кандалакшу. И таким образом все время переводили.

За это время у меня сын заканчивает там в провинции десять классов и едет сюда, и держит здесь экзамен. А у меня здесь сестра живет, двоюродная правда. Потом материна сестра. Вообще-то родня есть московская.

Сын держит экзамен в Энергетический институт и выдерживает. После окончания института его оставляют здесь. Он 1942 года рождения. А Катя — дочь — 1947-го.

После того, как я закончила работать в 68-м году, мы приехали сюда, к сыну. А дочь училась в Ленинграде и окончила там Консерваторию по классу рояля. Жила она в общежитии.

— Повлияла ли реабилитация на ваше самочувствие?

Конечно. Но ни в должности, ни в чем для меня ничего не изменилось.

— У вас не было мысли вернуться в Новосибирск?

Думала. Хотела даже просить квартиру, но в Новосибирске уже ничего у меня не было, а сын был здесь. И так вот я здесь и обосновалась.

Перед уходом на пенсию у меня был уже заработок около трехсот рублей. Пенсию мы с мужем в конце концов стали получать по сто двадцать рублей. Кое что мы скопили, да плюс процентная надбавка, это дало нам возможность выкупить нам эту квартиру. Так как мы работали в железнодорожной системе, то пользуясь льготой, переехали сюда.

— А кем работал муж?

Муж инженер, работал все время на строительстве — промышленных зданий и железных дорогах. В связи с тем, что у него осложнилось здоровье, он стал работать в ПТУ в строительном училище. Он был заведующим учебной частью.

— Как его звали?

Сергей Николаевич. Он был очень хороший человек. Я очень страдаю, что его нет, но я все сделала, что могла для него. Он был очень больной человек, без конца лежал в больницах. Он лежал и в Первой градской больнице и других больницах. Поэтому больше я работать не могла.

Потом сын женился, внуки пошли.

Смотрит фото Муралова из его следственного дела.

— Был он такой?

Нет, нет. У него взгляд совсем другой. Это уже сломленный человек. Нет, это уже совсем... У него знаете, такие лучезарные глаза, добрые. Глаза, глаза, у него очень хорошие глаза. А здесь провалившиеся щеки. Это совсем другой Николай Иванович. А мы его никогда стариком не звали, никогда не звали стариком. Потому, что он не был стариком. Энергичный, такая походка...

Архив Международного Мемориала
фонд 2, опись 10, дело 51

*4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал
в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию
иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.*

Архив Международного Мемориала
фонд 2, опись 10, дело 51